

С.В.Томсинский

СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ ИЗ УГЛИЧСКОГО КРЕМЛЯ И ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ УГЛИЧА

S.V.Tomsinski. Scandinavian Findings from Uglich Kremlin and the Legend of Uglich Foundation

The town of Uglich in XII-XVI centuries used to be an administrative, trade, manufacturing and religious center of the territory in the Upper Volga basin. Until recently, no archaeological site of the late I millennium A. D. has been known in Uglich providing evidence of existence of Northern Europeans in this region in the early Middle Age. At the same time, the finding of the Arabian Silver treasure in 1879 on the outskirts of Uglich suggested involvement of Uglich region along Volga bank in the Eastern European trade ways system already in IX century. As Scandinavians took active part in this process, their penetration in Uglich region of Volga bank looked very much possible. The evidence supporting this assumption was received in 1992-1995 during excavations in the North-Eastern part of Uglich Kremlin. Among the most important findings there were three tops of sword sheaths, a fibula with an image of animal heads, dirhams coined in 942/943 and others. Based on the findings of Scandinavian origin and stratigraphic data, the author concludes that a Scandinavian cemetery of bodyguards used to function on a part of the territory of the future Kremlin. To prove this idea, the author of the article uses data of the local toponymy, Uglich chronicles and legends spread among the local population in XVIII-XIX centuries.

Углич, или, как именуют этот город письменные источники в XII-XVI вв., «Угличе Поле», в эпоху средневековья был административным, торгово-ремесленным и культовым центром территории общей площадью около 3,6 тыс. кв.км в бассейне Верхней Волги с левым притоком Корожечной и правым притоком Юхотью. Значительная часть этой территории на левом берегу Волги действительно представляет собой «поле», т.е. одно из ополей Восточноевропейской равнины с сильно пересеченным рельефом местности и реликтовыми дубравами по руслам многочисленных ручьев и мелких речек. В отличие от суздальского и юрьевского ополей, угличское на археологических картах определяется «зоной археологической пустоты»: здесь не зафиксированы ни городища эпохи раннего железа, ни древнерусские курганные могильники и селища. Происхождение «зоны археологической пустоты» близ Углича достаточно очевидно: с 1930-х годов внимание исследователей привлекали интенсивно разрушающиеся, особенно после строительства системы водохранилищ, береговые террасы Волги. Поэтому, когда в археологической литературе встречаются ссылки на аналогии в средневековых древностях Угличского Поволжья, речь идет о полутора десятках селищ и курганных могильников эпохи раннего средневековья, расположенных в ближайшей округе Углича (Бадер 1935: 157; Горюнова 1961: 191). Угличские селища и курганные могильники, как показали материалы раскопок, оставлены обитателями «подгорных сел» — владельческих поселений, прочно связанных с древне-

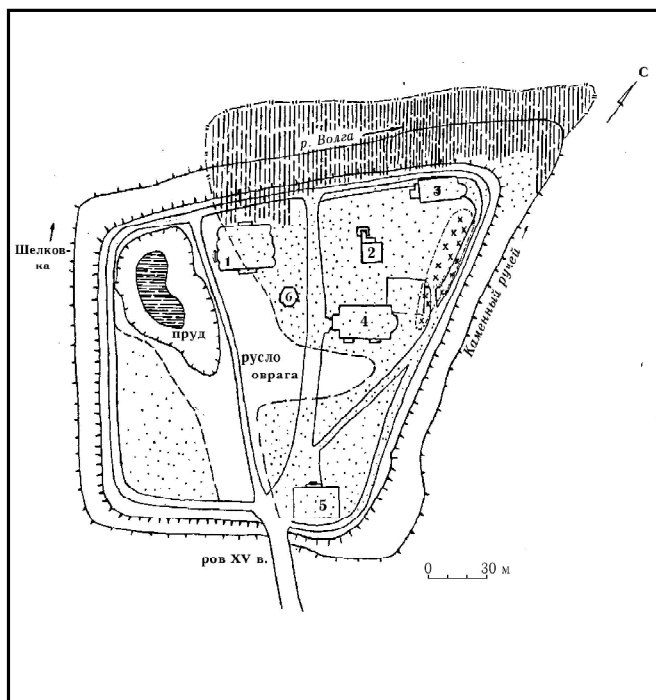
русским городом как местом пребывания феодализирующейся знати (Фехнер 1957: 183-192). Самые ранние надежно датированные находками монет комплексы из погребений угличских курганных могильников следует отнести к третьей четверти XI в. или рубежу XI-XII вв. (Равдина 1988: 49, 87). Очевидно, к этому хронологическому периоду можно приурочивать и формирование волости Угличе Поле на северо-западной периферии Волго-Окского междуречья.

До недавнего времени в Угличском Поволжье не было известно ни одного памятника с комплексами конца I тыс. н.э., содержащими индивидуальные находки, свидетельствующие о пребывании в этом регионе в эпоху раннего средневековья выходцев из Северной Европы. Вместе с тем находка в 1879 г. клада арабского серебра на окраине Углича у Покровской горы на левом берегу Волги позволяла предполагать, что Угличское Поволжье уже в IX в. включается в систему торговых путей Восточной Европы, а следовательно, и в процесс становления древнерусской государственности. Поскольку активное участие в этом процессе на разных этапах принимали скандинавы, проникновение последних в Угличское Поволжье либо с северо-запада, из Поволховья, либо с юга, из Киева, по мере продвижения в центральные районы Волго-Окского междуречья представлялось весьма вероятным (Леонтьев 1984: 5-6; Дубов 1985: 130-131). Подтверждающие это предположение материалы были получены в 1992-95 гг. в процессе раскопок в северо-восточной части угличского кремля (Томсинский 1995).

Рис. 1. Угличский кремль. Топография памятника на 1990-е гг. и реконструкция топографии поселения на X в.

1 — Спасский собор (1700-1714 гг.); 2 — «палаты царевича Дмитрия» (конец XV в.); 3 — церковь царевича Дмитрия «на крови» (1692 г.); 4 — Богоявленский собор (1827 г.); 5 — Присутственные места (1815 г.); 6 — колокольня.

- Предполагаемая граница мысовой площадки в X в.
- «Зона заселения», где предположительно существовала усадебная застройка
- «Зона обитания», освоенная обитателями поселения на береговых террасах мысовой площадки к X в.
- Предполагаемый участок могильника X в.
- Границы засыпанного в конце XVIII в. русла оврага

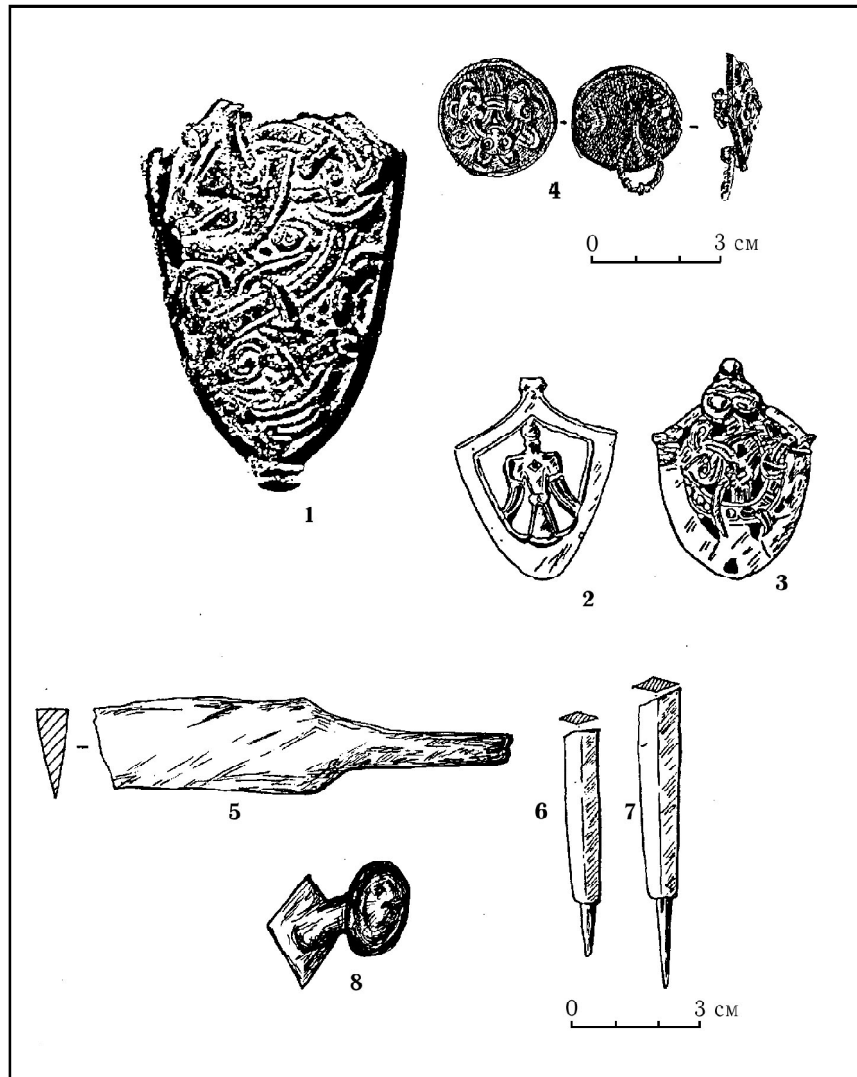
Угличский кремль в настоящее время, при общей площади 3,6 га, представляет собой в плане неправильную трапецию периметром 750 м с отчетливо выраженным мысом в северо-восточной части (Рис. 1). Кремль расположен на правом высоком берегу Волги, при впадении Каменного ручья и ручья Шелковки, русло которого почти полностью засыпано в конце XVIII — начале XIX вв. Участок берега Волги здесь сложен аллювиальными песками на юрской глине (мощность отложений до 9 м). Геологическое строение берега обусловило интенсивное разрушение площадки кремля вплоть до 1950-х гг., когда остатки береговых террас Волги, разрушенных оползнями, были укреплены бетонными плитами набережной. Древнейшей частью кремля традиционно считается неправильно треугольная в плане мысовая площадка, образованная Волгой, Каменным ручьем, Шелковкой и двумя руслами широкого и глубокого оврага, открывавшегося устьем в Шелковку. Первоначальные размеры мысовой площадки из-за сильных разрушений береговых террас Волги установить невозможно; предположительно ее площадь достигала 1,8 — 2,0 га (Томсинский 1990: 231-232; Томсинский 1993б: 27-28; Ерохин 1993: 39-42). На мысовой площадке сосредоточены все сохранившиеся до настоящего времени памятники монументального зодчества XV-XIX вв., кроме здания Присутственных мест, сооруженного у входа в кремль в его южной части в 1830-е гг. С этого же периода на территории кремля располагается городской общественный сад, представляющий собой важный элемент исторического ландшафта центральной части города. Свободные от зеленых насаждений и линий коммуникаций участки (макси-

мальной площадью до 100 кв.м) расположены в северной, юго-восточной и юго-западной частях кремля. Наличие зеленых насаждений и сооружений XV-XIX вв. предопределило невозможность проведения на территории кремля раскопок большой площадью; таковые могут быть предприняты только после, в процессе постепенной замены на тех или иных участках зеленых насаждений. Тем не менее исследования культурного слоя кремля, ведущиеся с 1995 г., позволили с достаточной степенью достоверности установить хронологию культурного слоя этого памятника.

Непосредственно под дерном по всей площади кремля отложился датируемый XVIII-XX вв. слой 1, представляющий собой рыхлую светлосерую супесь с многочисленными включениями строительного и бытового мусора. Максимальная мощность этого слоя — до 0,5 м. Под слоем 1 залегает слой 2, сформированный плотной серо-коричневой супесью, насыщенный органическими остатками. Максимальная мощность слоя 2 — от 0,4 м на плато мысовой площадки, до 1,4 м на береговой террасе Волги, под остатками дворца угличских удельных князей конца XV в. Индивидуальные находки и керамика слоя 2 позволяют отнести его формирование к XIII-XVII вв., т.е. преимущественно к периоду расцвета города, сначала стольного города самостоятельного Угличского княжества, затем как удела князей московского дома. Под слоем 2, непосредственно на песчаном материке, отложился слой 3. В западной части плато мысовой площадки кремля, у апсид Спасского собора, слой 3 имеет наименьшую мощность (до 0,2-0,3 м) и сформирован темно-серой углистой супесью с включениями угольков.

Рис. 2. Скандинавские находки с территории угличского кремля.

1-3 — наконечники ножен мечей; 4 — круглощитковая фибула; 5 — обломок скрамасакса; 6-7 — ланцетовидные наконечники стрел; 8 — ладонная заклепка.

На разрушенных береговых террасах Волги и, частично, под остатками дворца удельных князей мощность слоя достигает 1,5 м и определяет его разделение на горизонты. Верхний горизонт образован толщей навоза со щепой и другими органическими остатками и прослойками сырой серой глины с включениями угольков. Отложение на этих участках навоза со щепой однозначно свидетельствует о существовании на береговых террасах Волги в эпоху раннего средневековья усадебной застройки. Нижний горизонт слоя 3 в западной части мысовой площадки на верхней береговой террасе Волги под остатками дворца XV в. образован углистой супесью с многочисленными включениями мелких жженных камней. Именно с нижним горизонтом слоя 3 на этом участке связаны немногочисленные находки предметов, свидетельствующих о существовании на территории кремля поселения I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э.

В восточной части мысовой площадки, а также за ее пределами, верхний горизонт слоя 3 представлен прослойками углистой супеси, пес-

ка и глины, сформировавшимися в процессе разрушения различных сооружений. Нижний горизонт слоя 3, максимальной мощностью до 0,4 м, на этих участках сформирован оподзоленной серовато-коричневой супесью; отложение этого горизонта слоя 3, по-видимому, происходило в тот период, когда большая часть территории кремля была занята древесно-кустарниковой растительностью.

Стратиграфия культурного слоя кремля, таким образом, несмотря на небольшие площади раскопок и шурфов, позволяет сделать выводы о расположении древнейшего поселения с усадебной планировкой на береговых террасах Волги, в настоящее время почти полностью разрушенных или недоступных для раскопок под руинами дворца удельных князей. Плато мысовой площадки и вся территория кремля в его современных границах, т.е. в границах XV-XVII вв., первоначально представляла собой «зону обитания», непосредственно примыкавшую к «зоне заселения» на береговых террасах. В этой зоне обнаружены в процессе раскопок

1991-95 гг. хозяйственные и столбовые ямы — остатки каких-то хозяйственных сооружений, а также следы распашки предматерикового слоя оподзоленной супеси. Судя по всему, плотной жилой застройки в «зоне обитания» не было до рубежа XI-XII вв. (Томсинский 1993а: 73; 1993 б: 28-29). Все находки предметов скандинавского происхождения добыты из верхнего и нижнего горизонтов слоя 3 на одном небольшом участке общей площадью около 100 кв.м в юго-восточной части мысовой площадки кремля, между Богоявленским собором, церковью Царевича Дмитрия «на крови» и «палатами царевича Дмитрия».

В 1992 г. в шурфе №10, заложенном на участке газона к северу от здания Богоявленского собора, общей площадью всего 16 кв.м, был обнаружен бронзовый наконечник меча (рис.2, 1). Наконечник залегал в слое позднесредневекового перекопа, потревожившего отложения культурного слоя до материка. Это массивное бронзовое изделие, с каплевидной ножкой; завершение в виде звериной головки обломано. Этот наконечник (назовем его «наконечник №1») принадлежит к небольшой группе массивных наконечников, орнаментированных в стиле Еллинг: на обеих сторонах нанесено изображение дракона, ослабленное плетенкой. Угличский наконечник имеет две любопытные аналогии. Массивный наконечник с идентичным изображением из Даниловки (район Волго-Донской перелоки) опубликован в работах Т.Арне, П.Паульсена и Г.Ф.Корзухиной (Арне 1914: 64; Корзухина 1950: 49; Paulsen 1953: 40). Другой массивный наконечник с таким же изображением дракона в переплетениях происходит из Венгрии (Сабольч, пограничная область Боржава). Обстоятельства находок всех трех наконечников, явно вышедших если не из одной формы, то из одной мастерской, не позволяют однозначно установить их датировку, однако география находок наводит на некоторые размышления. Прежде всего, предположение Н.В.Ениосовой о бытовании массивных наконечников этого типа в начале XI в. представляется не бесспорным. Если аналогичные ажурные наконечники относятся к первой половине — середине X в., то очевидно, период бытования массивных наконечников логичнее определить в пределах второй половины X в. (Ениосова 1994: 104, 115). Наконечник ножен из Даниловки, в таком случае, мог принадлежать воину, принимавшему участие в хазарском походе Святослава 965 г., а наконечник из Венгрии — участнику похода на Балканы 967-71 гг., в котором принимали участие и союзники Святослава — венгры. После гибели князя на Днепре или еще раньше, после поражения русско-венгерско-печенежского войска в Болгарии, владелец меча, наконечник ножен которого обнаружен в Сабольче, вполне мог перейти на службу к венгерскому князю. П.Немет отмечает, что именно во второй половине X в. в

Боржаве появляется «руско-варяжская дружина» (Немет 1972: 218). Наконец, владелец третьего меча с аналогичным наконечником ножен примерно в то же время оказался в Угличе.

В 1993 г. на участке А раскопа №8, заложенного в 7,5 м к северу от шурфа №10 за асфальтированной дорожкой, был обнаружен наконечник ножен меча №2, ажурный, с изображением птицы, со следами серебрения (рис.2, 2). Этот наконечник залегал под остатками сгоревшего наземного срубного сооружения размерами 6×4 или 6×6 м, датированного стратиграфически первой половиной XI в. Наконечник залегал на границе нижнего и верхнего горизонтов слоя 3, в вертикальном положении. Аналогии таким наконечникам, бытовавшим в первой половине X в., довольно многочисленны (Paulsen 1953: 23; Ениосова 1994: 104, 113). Территориально наиболее близким оказывается наконечник ножен меча из Тимеревского могильника (Недошивина 1963: 63; 1991: 167). Обстоятельства находки наконечника ножен №2 не прояснили причин попадания этого предмета в культурный слой, но показали, что юго-восточная часть мысовой площадки кремля представляет собой весьма перспективный участок для исследований. В 1994 г., на раскопе №9, заложенном на небольшом участке, свободном от зеленых насаждений, к востоку от участка А раскопа №8, был обнаружен наконечник ножен №3 (рис.2, 3). Этот ажурный бронзовый наконечник, орнаментированный в стиле Борре, залегал в яме №59, впущенной с границы верхнего и нижнего горизонтов слоя 3. Заполнение ямы составляли камни, некоторые со следами огня, но ни на стенках ямы, обмазанных тонким (до 0,02 м) слоем белой глины, ни на дне ее не зафиксировано следов воздействия высоких температур. Помимо наконечника ножен, среди камней обнаружена неправильно-эллипсоидная бусина серо-голубого стекла, желтая одинарная бусина — «лимонка», плоское сланцевое пряслице, челюсть бобра и сердцевидная поясная бляшка с отверстием в центральной части. Аналогии бляшке известны на памятниках лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. В погребении №282 Тимеревского могильника (территориально ближайшая аналогия) подобные бляшки датированы X в. (Мальм 1963: 65).

Полную аналогию наконечнику №3 из Углича представляет опубликованный П.Паульсеном наконечник с о.Готланд. Н.В.Ениосова подобные наконечники датирует серединой X в. (Paulsen 1953: 54-55; Ениосова 1994: 113). Датировка ямы №59, в заполнении которой обнаружен наконечник ножен, уточняется индивидуальными находками из верхнего горизонта слоя 3, перекрывшего эту яму: полосатая и желтые бусины — «лимонки», фрагменты стеклянной посуды и осколок золотостеклянной смальты — находка уникальная не только для Углича, но и для дру-

гих малых городов Древней Руси. По результатам анализа состава стеклянной массы смальта из Углича идентична смальтам Софийского собора в Киеве. Надо полагать, этот сувенир привез на берега Волги угличанин, побывавший в 30-е гг. XI в., когда строился собор, в Киеве, или, что более вероятно, представитель знати, прибывший в Углич с той или иной целью с юга. Распределение этих находок по уровням залегания показывает, что формирование верхнего горизонта слоя 3 начинается в первой четверти XI в.

Таким образом, все три наконечника ножен мечей в Угличе обнаружены явно в условиях вторичного залегания. Характер заполнения ямы №59, из которой происходит наконечник №3, не позволяет считать эту яму помойкой или хозяйственной ямой, тем более подпольем наземного жилища. Скорее всего, яма была выкопана в процессе нивелировки площадки, и в эту яму были сброшены камни какого-то разрушенного сооружения, вместе с которыми в заполнение попали и обнаруженные в яме вещи.

Находка трех наконечников ножен мечей на небольшом участке «зоны обитания» раннесредневекового поселения — факт неординарный, если учесть высокий статус этих предметов в системе представлений, связанных с предметами вооружения в дружинной культуре Северной и Восточной Европы (Лебедев 1991: 291; Енисова 1994: 108). Напомним, что на весь Тимеревский комплекс, включающий в себя обширное поселение и могильник из нескольких сотен насыпей, приходится два наконечника ножен мечей, а в Угличе — три на площади 100 кв. м, причем о существовании в этой части кремля раннесредневековых погребений никаких данных до последнего времени не было. Тем не менее, на наш взгляд, единственным логичным объяснением попадания этих предметов в культурный слой может быть признано разрушение некогда существовавших в восточной части мысовой площадки кремля погребений. В 1995 г. были получены новые материалы, подтверждающие это предположение. В небольшом раскопе №10, прирезанном с севера к раскопу №9 1994 г. (площадью всего 24 кв. м), в нижнем горизонте слоя 3 зафиксирована неправильно-прямоугольная каменная выкладка (в пределах раскопа оказался ее северо-восточный угол), на которой обнаружены кости лошади (шейные позвонки, лопатка и череп, потревоженный поздним перекопом, и ребра) и череп собаки. С севера к этой выкладке примыкала еще одна, с небольшим скоплением мелких фрагментов кальцинированных костей. Перекоп, потревоживший остатки этого сооружения, представлял собой траншею для частокола эпохи позднего средневековья. В этой траншее обнаружены круглощитковая позолоченная фибула с изображением трех звериных головок на фоне треугольника с перевязанными углами и дирхем самаркандской чеканки (Наср II ибн Ах-

мед, 942/3 г.) (рис.2, 4) со следами пребывания в огне. Аналогии угличской фибулы достаточно хорошо известны в Северной и Восточной Европе. В Ярославском Поволжье круглощитковая фибула со звериными головками происходит из погребения по обряду трупосожжения на месте в кургане №18 (раскопки 1898 г. И.А.Тихомирова) Михайловского могильника. В Шестовицах круглые фибулы, аналогичные угличским, найдены в курганах №№59 и 63 в женских погребениях (Фехнер 1963: 78,83; Бліфельд 1977: 203,208). Однозначно утверждать, что угличская фибула и дирхем первоначально залегали на каменной выкладке с черепом лошади и черепом собаки, не представляется возможным, можно лишь быть уверенным в том, что эти предметы выброшены перекопом из слоя 3. При этом, несомненно, каменная выкладка должна быть признана древнейшим сооружением на данном участке, поскольку она залегает в нижнем горизонте слоя 3. На том же раскопе №10 обнаружен обломок кости, по видимому, крупного рогатого скота, с процарапанными руническими или руноподобными знаками.

Небольшие площади раскопов №№8-10, заложение которых имело целью уточнение стратиграфии восточной части мысовой площадки, заставляют, во-первых, проявлять большую осторожность в выводах, и, во-вторых, демонстрируют необходимость расчистки данного участка от зеленых насаждений для проведения исследований на всем пространстве к югу от церкви Царевича Дмитрия на «крови». Все же некоторые выводы можно сделать и по материалам раскопок 1992-95 гг. Концентрация на небольшом участке «зоны обитания» поселения, располагающегося на береговых террасах Волги, предметов, принадлежащих как к мужской, так и к женской культуре скандинавов, учитывая состав этой небольшой коллекции, на наш взгляд, не может объясняться потерей в процессе повседневной бытовой деятельности. Во всяком случае, это относится к наконечникам ножен мечей. Последние вряд ли могли попасть в культурный слой и во время какого-то вооруженного столкновения на территории поселения, хотя есть основания полагать, что в конце X или первой четверти XI в. это поселение подверглось разорению. Во всяком случае, между нижним и верхним горизонтами слоя 3 в раскопах №№9 и 10 зафиксирована углистая прослойка пожара, причем огонь был такой силы, что под этой прослойкой супесь, образующая нижний горизонт слоя 3, растрескалась и прокалилась. Но при вооруженном столкновении либо владелец меча, если он уцелел после боя, либо его противник, которому меч достался как трофей, несомненно, попытался бы найти и, скорее всего, нашел бы потерянный наконечник, поскольку без такового меч в глазах владельца в значительной степени терял свою силу. Да и масшта-

бы этого разорения поселения, надо полагать, были несопоставимы с такими катастрофами, как разорение древнерусских городов татарами, когда многочисленные предметы вооружения оставались на месте побоища, уже ненужные ни победителям, ни побежденным. Следовательно, для угличских находок остается единственно возможным объяснение причин их попадания в культурный слой, а именно: существование в середине — третьей четверти X в. небольшого дружинного могильника в восточной части мысовой площадки кремля. Очевидно, могильник располагался вдоль Каменного ручья, на участке, который в настоящее время занят зелеными насаждениями, а до конца XVIII в. находился под дерево-земляными укреплениями кремля. Топография находок скандинавского происхождения наводит на мысль, что по мере разрушения могильника и нивелировки, вероятно, существовавших здесь курганных насыпей, эти предметы попали в культурный слой на незначительном удалении от мест сооружения последних. В таком случае, погребения, очевидно, располагались цепочкой вдоль Каменного ручья.

С перечисленными выше находками 1992-95 гг. хронологически соотносятся некоторые предметы из раскопок 1985-86 гг. в западной части мысовой площадки: фрагменты накладок на костяные односторонние гребни, железная игла с кольцом, ланцетовидные наконечники стрел, обломок скрамасакса (случайная находка в южной части кремля: рис. 2, 5-7) — находки, типичные для поселений, возникших на путях трансъевропейской торговли (Томсинский 1990).

Скандинавские находки из раскопок 1992-95 гг. не только однозначно включают Угличское Поволжье в число тех регионов Волго-Окского междуречья, которые по тем или иным причинам привлекали скандинавов в период становления древнерусской государственности, но и позволяют уточнить статус поселения на береговых террасах Волги, в «зоне обитания» которого возник могильник.

Это поселение возникает на пересечении одного из отрезков Волжского пути и «зимника», связавшего центральные районы Волго-Окского междуречья с Белозерским краем и далее с Приладожьем и Поволховьем. Хорошо известный по позднесредневековым источникам, этот «зимник», несомненно, был проложен еще в IX в., когда отмечается проникновение элементов восточнофинской культуры в Белозерье, знаменующее активное включение мери в Балтийскую торговлю (Гербштейн 1988: 152; Любавский 1929: 66; Макаров 1989: 91).

Другое ответвление «зимника» проходило через Ярославское Поволжье, и именно на этом ответвлении возникают поселения и могильники, остатки которых исследованы в Тимереве, Михайловском и Петровском. Расположенные

на небольших речках, эти поселения топографически не связаны с водными путями и явно не на водные пути ориентированы. Время возникновения поселения на месте угличского кремля не устанавливается. Не исключено, что оно появилось на одном из самых труднопроходимых, порожистых участков верхнего течения Волги уже в IX в., когда был зарыт клад арабского серебра у Покровской горы, но полной уверенности в этом пока нет. Во всяком случае, в X в. это поселение как перевалочный пункт на Волжском пути уже существует, и среди его обитателей, как свидетельствуют материалы раскопок, присутствуют как выходцы с северо-запада, из Поволховья, так и представители восточнофинского населения Волго-Окского междуречья. Поселение было неукрепленным, о чем свидетельствует отсутствие остатков валов и рвов на мысовой площадке кремля. Не позднее середины X в. в «зоне обитания» этого неукрепленного поселения появляется могильник, принадлежавший представителям обосновавшейся в Угличском Поволжье дружинной группировки, в составе которой были выходцы из Скандинавии. Присутствие в Угличском Поволжье дружинников-скандинавов, безусловно, свидетельствует о важном значении поселения в системе расселения, создаваемой формирующейся древнерусской государственностью. Уместно напомнить, что на X в. приходится и расцвет поселений в нижнем течении Котросли, принадлежность которых к погостам вполне вероятна (Леонтьев 1989: 84). Речь идет не о погостах — центрах сельской округи, а о поселениях, на которых концентрировалось и облагаемое данью население, и население, принимавшее непосредственное участие в торговле. Собственная территория, контролируемая такими поселениями, могла быть относительно невелика. Что касается конкретно Угличского поселения, то границы этой территории, на наш взгляд, отмечают два камня-валуна с изображением «петушиной лапы» или трезубца. Один из этих камней сохранился на левом берегу Волги, у д.Еросимово, но утратил изображение «петушиной лапы»; другой, находившийся на правом берегу Волги, на Петуховом поле, кстати, получившим название от этого камня, уничтожен в 1930-е гг.

Дружинный могильник на мысовой площадке просуществовал недолго. В конце X или первой четверти XI в. поселение на береговых террасах Волги, вероятно, подверглось нападению, следствием которого стал пожар, зафиксированный углистой прослойкой между нижним и верхним горизонтами слоя 3. После этих событий начинается перепланировка восточной части мысовой площадки, и в восточной части мысовой площадки кремля начинается формирование верхнего горизонта слоя 3, содержащего находки, типичные для культурного слоя развивающегося древнерусского города. Очевидно, разрушение могильника началось в процессе

сооружения древнейших укреплений города Угличе Поле вдоль Каменного ручья. Остатки этого вала, перекрывшего тонкий (до 0,2 м) слой предматерикового суглинка с фрагментами лепной и раннегончарной керамики, зафиксированы в шурфе, заложенном в 1986 г. в 5,25 м к востоку от алтарной абсиды церкви Царевича Дмитрия «на крови». В XII в. процесс разрушения могильника, очевидно, завершился.

Нельзя не обратить внимание на то, что основание древнерусского города Угличе Поле, по материалам раскопок 1986-95 гг., приходится на тот же период установления или восстановления суверенитета Новгорода над Волго-Окским междуречьем после усобицы сыновей Владимира Святославовича 1015-1019 гг., что и основание Ярославля. Напомним, что согласно саге об Эймунде, усобица эта началась столкновением Ярослава Владимировича новгородского и Бориса Владимировича ростовского. Попытки представить Бурислейфа саги об Эймунде Святотополком Окаянным, при всем уважении к авторитету исследователей скандинавской традиции, не представляются убедительными (Джаксон 1994: 169-170). В таком случае пожар на Угличском поселении вполне может быть связан с новгородско-ростовским противостоянием.

Основание Ярославля и Углича Поля в первой четверти XI в. означало окончательное установление контроля княжеской администрации над стратегически важными точками пересечения торговых путей, связавших Волго-Окское междуречье с юго-восточной Прибалтикой. Отныне эти пути контролируют не погосты, а достаточно хорошо укрепленные грады, вокруг которых начинается формирование городских волостей.

Вернемся к скандинавским находкам из угличского кремля. Уникальность этих находок для Угличского Поволжья заставляет обратиться к местной топонимике с тем, чтобы выяснить, нет ли в ближайших окрестностях Углича и на территории самого города топонимов, происхождение которых можно отнести к периоду функционирования могильника на мысовой площадке. К числу таковых, на наш взгляд, принадлежит микрогидроним «Игорев ручей» в шести километрах к северу от Углича. Игорь – имя княжеское, причем среди суздальских Мономаховичей Игорей не было, а князья из других династий – носители этого имени, насколько известно, никаких владельческих прав в Угличском Поволжье не имели и никогда здесь не бывали. Следовательно, топонимическое предание, которое должно было объяснить происхождение микрогидронима, могло упоминать только Игоря Рюриковича киевского. Отметим, что передвижение князя со всем двором на огромные расстояния в период полюдья придает преданию определенную историческую достоверность. Позднесредневековым письменным источникам микрогидроним не известен, однако

это не дает основания предполагать его «книжное» происхождение. На археологических картах у Игорева ручья не отмечено памятников эпохи раннего средневековья. На берегу Волги, однако, встречаются отдельные окатанные фрагменты гончарной керамики, что позволяет предполагать существование здесь поселения, остатки которого полностью уничтожены рекой.

Южнее Игорева ручья, на окраине современного Углича, расположено село Золоторучье. Этот топоним, хорошо известный археологам по исследованному здесь селищу XI-XIII вв., в источниках XV-XVI вв. зафиксирован в иной форме: Золоторусское-Золоторуцкое село (ДДГ: 43, 410). Форму «Золоторучье» топоним принимает не ранее XVII в. Возьмем на себя смелость полагать, что форма «золоторусское» изначально и, по крайней мере до Смутного времени должно было существовать топонимическое предание о «золоте русов», объяснявшее это название. Форма «Золоторуцкое», по-видимому, свидетельствует о том, что это предание как-то связывало формант «золото» с впадающим в Волгу ручьем. В XIX в. происхождение названия «Золоторучье» объясняли уже тем, что в этом ручье якобы находили когда-то золотой песок. Однако, было известно и другое предание, согласно которому Екатерина II, действительно посетившая эти места в 1767 г., уронила или бросила в ручей золотой перстень (Киссель 1994: 391). Поскольку действия Екатерины II в этом предании весьма напоминают ритуал жертвоприношения или ритуал, символизирующий обретение правителем владельческих прав на ту или иную территорию, возникает вопрос: не заменила ли императрица в топонимическом предании другое лицо, имя которого логичнее связать с «золотом русов»? Здесь уместно напомнить, что гидронимы с формантом «золото» в Волго-Окском междуречье очень редки. В Ярославском Поволжье таковые, кажется, отсутствуют. В обширном Окском бассейне также не обнаруживаются «золотые» речки, ручьи, озера или источники (Смолицкая 1976). Редкость форманта «золото», очевидно, объясняется высоким сакральным статусом этого металла в фольклорной традиции. Это обстоятельство заставляет особое внимание уделить еще одному Золоторучью, известному в нижнем течении Мологи, ниже Холопьяго городка. Но здесь в урочище Золоторучье показывали «Ольгин камень» как доказательство посещения этого района княгиней и ее сыном Святославом (Бережков 1890: 51). Тесные связи Угличского Поволжья и Помоложья позволяют предполагать, что топонимическое предание, связавшее формант «золото» с именем княгини Ольги и неким ручьем, распространилось к северу с какими-то группами переселенцев или иными путями уже в тот период, когда «Золоторусское» трансформировалось в «Золоторучье». Такое пред-

положение выглядит тем более вероятным, что Устюжна, Холопий городок на Мологе и Молога в XV в. входили в Угличский удел Андрея Васильевича Большого, а в XVII в. Устюженские волости — в Угличский уезд (Готье 1937: 404; Любавский 1929: 66).

Таким образом, в округе Углича определяется ареал бытования топонимических преданий, повествовавших, очевидно, о посещении Верхнего Поволжья первыми князьями киевскими — Игорем, Ольгой и Святославом. Письменные источники позволяют утверждать, что на территории города бытовали предания об эпохе первых Рюриковичей. Наиболее устойчивой оказалась легенда об основателе города Яне Плесковиче (Плесковиче, Плесковичине), родственнике княгини Ольги и киевском данщике, на которой необходимо остановиться подробнее.

На северо-восточной окраине Углича, в непосредственном соседстве с Золоторучьем, к северу от Селивановского ручья, вдоль которого проходила линия укреплений окольного города XV-XVII вв., располагалась Рождественская слобода на Яновом поле. Топонимы с формантом «поле» хорошо известны в ближайших окрестностях древнерусских городов. Предположение, что «поле» — это чаще всего могильник, представляется нам чересчур категоричным (Лебедев 1985: 288-289). По-видимому, речь идет о расчищенных или изначально безлесных участках, на которых иногда, действительно, могли располагаться могильники. Местоположение Рождественской слободы достаточно точно определяется Книгой Большому чертежу: «...а ниже посадов на повороте Волги реки с правую сторону впал ручей Селивановской, он же и Королевской под слободой Рождественскою, что Яново поле, впал ручей Шутихин...» (КБч: 130). В XIX в. угличские краеведы неоднократно упоминали об устных преданиях, бытующих еще в городе и связанных с Яновой слободой. Впрочем, кажется, ни одно из этих преданий не было записано непосредственно от информаторов. Излагая предания о Яне Плесковиче, исследователи предпочитали ссылаться на местные письменные источники XVIII-XIX вв., т.н. Угличские летописи. Речь идет об исторических сочинениях местных книжников, считавших себя, и не без основания, продолжателями древнерусской летописной традиции. В исторической литературе давно укрепилось скептическое отношение к достоверности сообщений этих сочинений, однако серьезных попыток источниковедческого и текстологического анализа их не предпринималось до 1964 г., когда увидела в свет статья Н.Д.Русинова, посвященная позднему угличскому летописанию (Экземплярский 1891: 124-125; Соловьев 1890: 9; Платонов 1902: 2; Троицкий 1890: 4). Н.Д.Русинов показал, что все списки этих исторических сочинений восходят к XVIII — началу XIX вв. Легенда о Яне Плесковиче зафиксирована Се-

ребрянниковской летописью. Это историческое сочинение (сам автор именовал ее летописью, а наследники — хронографом) было составлено Г.Д.Серебрянниковым (в иночестве Фокой) в конце XVIII в. Круг использованных источников автор определил в пространном вступлении к своему труду: «Сия ж достопамятно собранная града Углича летопись сочинилась с переславского старинного летописца, писанного пространно о городе Угличе с начала основания его князем киевским Игорем от 6453 года и к тому ж от прочих летописных и землемерисцовых книг вкратце и достоверно по лето Его императорского Величества Петра Первого 7217. С писанных летописцев сочтывавше воедино и от большого летописца, сочиненного о городе Угличе в дому апостольского храма Иоанна Богослова» (Русинов 1964: 740-741). Н.Д.Русинов с полным основанием предположил, что автором «пространного переславского летописца» был игумен Горицкого монастыря в Переславле Даниил, крупный церковный писатель XVI в., крестный Ивана Грозного и близкий друг угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки (1505-1521 гг.). Даниил мог располагать какими-то раннесредневековыми источниками по истории Углича, либо полученными от угличского князя, либо собственно переславского происхождения. Эти источники могли быть включены и в летописец храма Иоанна Богослова на Сухом пруду, составленный, по заключению Н.Д.Русинова, в конце XV в. (Русинов 1964: 731-732). Предположение В.И.Кучкина о том, что в Угличе в XIII-XIV вв. не велось летописания, представляется неубедительным. Стольный город удельного княжения, отнюдь не самого слабого среди прочих в Волго-Окском междуречье, вряд ли мог не иметь своей летописи. А если таковая все же велась, то сообщения о начальном этапе существования города, восходящие к местным преданиям, вполне могли перейти в поздние письменные источники и удержаться традицией до XVIII-XIX вв. (Кучкин 1984: 45).

В конце XVIII в. Серебрянниковская летопись была включена в сочинение еще одного местного книжника — Ф.Ф.Торопова. Список этого сочинения сохранился до 1890 г. в собрании Е.В.Барсова. Ф.Ф.Торопов включил в свое сочинение список грамоты, датированный 1629 г., якобы данной в Москве по делу о землях Рождественской (Яновой) слободы, возникшему между угличским посадом и местным помещиком Ф.Погожим. Достоверность этого источника вызывает сомнения, ибо список содержит упоминание не только о целовальнике Яне Литвине, от имени которого, по утверждению Ф.Погожего, произошло название слободы, но о Яне Плесковиче — герое угличских преданий, которые в Москве вряд ли были известны (Титов 1980: 131-133). Очевидно, текст списка грамоты (м.б. дефектного) был отредактирован

Ф.Ф.Тороповым в духе местной традиции для придания последней большей убедительности не столько даже для читателей, сколько для самого себя, составителя Летописца.

К традиции Серебрянниковской летописи, по-видимому, восходили те списки позднесредневековых исторических сочинений, которые находились у Ф.Х.Кисселя и К.И.Евреинова. В этой традиции предание о Яне Плесковиче изобилует красочными подробностями. Киевский боярин, родственник (или даже брат) княгини Ольги, Ян, «который прибыть из Плесковитских земли в Россию с княгинею Ольгою», появляется на Верхней Волге, где обитают некие «угляне» или «углы». К этому времени население региона достаточно многочисленно и, по Ф.Х.Кисселю, «нуждается в порядке управления». Автор «Истории города Углича» цитирует Летописец XVIII в. без каких-либо критических замечаний: «Преславный Богоспасаемый град Углич начася с древнейших и незапамятных времен; и по времени устроися, возвеличашася и тако плени взоры Янови. Ян же прият от Великого князя Игоря повеление воеже наизбранном месте тех Углян, поставити град елико мощно. И вдася Игорь в руки Печенег, и град начася строится изволением В.К.Ольги.» (Киссель 1994: 20). И так, в источниках XVIII в., восходящих, очевидно, к источникам более ранним, мы снова встречаемся с именами Игоря и Ольги в связи с именем Яна Плесковича. Далее сообщается, что город строился семь лет, что Ян был отозван Ольгой в Киев, вместе с ней посетил Константинополь, принял там крещение, скончался в Киеве и погребен в храме, построенном Ольгой.

Обращают на себя внимание календарные даты, приуроченные источниками этого круга к деятельности Яна на Волге. Серебрянниковс-

кая летопись относит основание города к 945 г., К.И.Евреинов по «Краткому Угличскому Летописцу» приводит две даты — 937 г. и 947 г. Кончину Яна Плесковича «Краткий летописец Евреинова» относит к 962 г. (Евреинов 1898: 13-14). Не исключено, что существовала особая повесть о Яне Плесковиче, фрагменты которой стали известны составителям сочинений XVIII в. из источников XV-XVI вв.

Оценивая достоверность традиции Серебрянниковской летописи, нельзя исключить, что и привлекательные своей внутренней непротиворечивостью подробности деятельности Яна на Волге и в Киеве, и календарные даты все же не более чем плод творческого воображения угличских книжников XVIII в. Однако нельзя не обратить внимания на соответствие хронологии Угличских летописей и хронологии скандинавских древностей из угличского кремля. В самом деле, легендарный Ян появляется на Волге примерно в то же время, что и владельцы мечей, наконечники ножен которых обнаружены в 1992-96 гг. Дирхем, чеканенный в 942/943 гг., вполне мог принадлежать кому-нибудь из окружения этого Яна. Наконец, само по себе недолгое существование могильника на мысовой площадке хорошо соотносится с версией о возвращении Яна с дружиной в Киев в середине 950-х гг. Из всего этого, разумеется, нельзя делать однозначный вывод о том, что Ян Плескович угличского предания — реальное историческое лицо, хотя исключить полностью такую возможность нельзя. Но в том, что предание о Яне в том виде, в каком оно дошло до нас в изложении авторов XVIII в., сохранило какие-то воспоминания о деятельности в Угличском Поволжье дружинной группировки в середине-третьей четверти X в., на наш взгляд, сомневаться не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Таницкий М.В., Шибяева Ю.А., Добров С.М., Мстиславский Л.С. 1935. Позднеродовые и феодальные селища. // Археологические работы академии на новостройках в 1932-35 гг. ИГАИМК, 109.

Бережков М.К. 1890. Старый Холопий городок на Мологе. // Труды VII АС в Ярославле. Т.1., М.

Бліфельд Д.І. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

Герберштейн Сигизмунд. 1988. Записки о Московии. М.

Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА, 94.

Готье Ю.В. 1937. Замосковский край в XVII в. М.

Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.

Дубов И.В. 1985. Города, величеством сияющие. Л.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты ве-

ликих и удельных князей XIV-XVI вв. 1950. М.-Л.

Евреинов К.И. 1898. Прошлое Углича. Исторический очерк. Сергиев Посад.

Ениосова Н.В. 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X-XI вв. на территории Восточной Европы. // История и эволюция древних вещей. М.

Ерохин В.И. 1993. О первоначальной планировке угличского кремля. // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич, 3.

Киссель Ф.Х. 1994. История города Углича. Углич.

КБЧ — Книга Большому чертежу. 1950. М.-Л.

Корзухина Г.Ф. 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА, XIII.

Кучкин В.А. 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

- Лебедев Г.С. 1991. Этюд о мечях викингов. // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.
- Леонтьев А.Е. 1984. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА, 183.
- Леонтьев А.Е. 1989. Тимерево. Проблемы исторической интерпретации археологического источника. // СА, 3.
- Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблемы синхронизации. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Любавский М.К. 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л.
- Макаров Н.А. 1989. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным. // СА, 4.
- Мальм В.А. 1963. Поясные и сбруйные украшения. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.
- Немет П. 1972. Образование пограничной области Боржава. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Недошивина Н.Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.
- Недошивина Н.Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжения верхового коня и всадника Тимеревского могильника. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
- Платонов С.Ф. 1902. О топографии Угличского Кремля в XVI-XVII веках. М.
- Равдина Т.В. 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.
- Русинов Н.Д. 1964. К истории угличского летописания. // Ученые записки Горьковского Государственного университета, вып. 72, т.2.
- Соловьев Л.Ф. 1890. История города Углича. М.
- Смолицкая Г.Ф. 1976. Гидронимия бассейна Оки.
- Титов А.А. 1890. Угличский Летописец. // Известия ЯГУАК, I.
- Троицкий И.Д. 1890. Углич. // Известия ЯГУАК, I.
- Томсинский С.В. 1990. Результаты изучения культурного слоя кремля г.Углича в 1985-89 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.
- Томсинский С.В. 1993. О результатах археологического изучения угличского кремля в 1985-92 гг. // Опочининские чтения. Мышкин.
- Томсинский С.В. 1993. Углече Поле в X-XIII вв. // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич. 3.
- Томсинский С.В. 1995. Работы Угличской экспедиции в 1993-94 гг. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. СПб.
- Фехнер М.В. 1957. Селища Ярославского Поволжья X-XIII вв. // Краеведческие записки. Ярославль, 2.
- Фехнер М.В. 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.
- Экземплярский А.В. 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. т. II., СПб.
- Arne T. 1914. La Suède et L'Orient. Uppsala.
- Paulsen P. 1953. Schwertortbander der Wikingerzeit. Stuttgart.